

Л.Ф. Кацис

«Русская весна» Владимира Жаботинского

К12

Кацис Л.Ф.

«Русская весна» Владимира Жаботинского: Атрибуция. Библиография. Автобиография. М.: РГГУ, 2019. 826 с.
ISBN 978-5-7281-2207-4

Монография посвящена реконструкции и анализу русского этапа жизни и творчества выдающегося деятеля русской литературы и журналистики, политика и революционера, сиониста и еврейского политика Владимира Жаботинского. Впервые проводится фронтальный анализ периодики, где печатался этот автор, анализируются его жизнестроительные стратегии, отношение к культуре эпохи символизма и постсимволизма, параллельная жизнь в русском, русско-еврейском и еврейском мирах. На основании впервые вводимых в научный оборот неизвестных подписных текстов автора проводится реконструкция системы его псевдонимов. Рассматриваются контакты, литературные взаимосвязи и полемика с Л.Н. Толстым, Максимом Горьким, И.Ф. Анненским, Л.Н. Андреевым, К.С. Станиславским, политические взаимоотношения с М.М. Ковалевским, П.Б. Струве, В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, В.Г. Короленко, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским, В.В. Розановым, М.О. Меньшиковым и др. Впервые исследуется широкий пласт политической публицистики, связанный с делом М. Спиридоновой, расстрелами во время революции 1905–1907 гг., Белостокским погромом, делом Бейлиса, Февральской революцией и т. д. На основании полученных результатов предлагаются принципы комментирования повести «Пятеро», пьесы в стихах «Чужбина», мемуарных книг В.Е. Жаботинского, а сам автор вводится в историю русской культуры как одна из важнейших фигур 1900–1910-х гг.

Для источниковедов и специалистов по истории России первой трети XX в., а также для всех, кто интересуется русско-еврейской и еврейской культурной и политической жизнью этого периода.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)7-8

Оглавление

Предуведомление	15
1. От «Одесского листка» и «Фельетонов» до «Повести моих дней»: Жаботинский журналист-писатель-мемуарист	21
1.1. Методологическое введение	43
2. Атрибуции газетно-журнальных текстов Владимира Жаботинского 1900–1903 гг.: становление «сигнальной системы» в годы первой русской революции	73
2.1. Атрибуции псевдонимных текстов раннего Жаботинского из газеты «Северный курьер» и журнала «Жизнь» (1901) (А. З-ский, А.)	74
2.2. Параллельные публикации в «Одесском листке» и в «Северном курьере»	86
2.3. Юный Владимир Жаботинский – оперный критик (Altalena=A.?)	92
3. О псевдонимах раннего В. Жаботинского в журнале «Освобождение» (Актолин, Аноним, [Сионист] Г., анонимные тексты) (1903–1905)	106
3.1. Введение. Особенности атрибуции текстов Жаботинского в эмигрантской печати первой русской революции	106
3.2. Жаботинский в «Освобождении»: как и почему?	112
3.3. К проблеме фактического субстрата поздних мемуарных текстов Жаботинского о 1902–1905 гг.	124
3.4. Трансформация исторической реальности 1902–1905 гг. между «Повестью моих дней» и «Пятеро»	135
3.5. Анализ и атрибуция конкретных политических текстов «Анонима» из «Освобождения»	147
3.6. Две «Фрейлейн» (анонимная «Освобождение», подписанная «Одесские новости») и «Сионист Г.»	157
3.7. Сионист «Г», П.Б. Струве и Кишиневский погром в «Освобождении»	165
4. Владимир Жаботинский. Максим Горький. Леонид Андреев («Бездна» Леонида Андреева: к истории, проблематике и проблеме атрибуции пародийных откликов 1903–1929 гг.)	169
4.1. Проблема авторства писем героев «Бездны» Леонида Андреева в традиционной науке	169
4.2. Пародийная книга «Бездна» (Берлин, 1904 г.): проблема состава и составителя	176

4.3.	«В. Владимиров» в одесских «Вопросах общественной жизни» 1901–1902 гг.	180
4.4.	Владимир Жаботинский («Художник Бенвенуто») о Василии Кандинском в «Вопросах общественной жизни» и «Одесских новостях» 1901–1902 гг.	188
4.5.	«В. Владимиров» о Леониде Андрееве в «Вопросах общественной жизни»	197
4.6.	Горький и Жаботинский в истории с «Бездной»	202
4.7.	Жаботинский как автор писем от имени героев «Бездны» на страницах «Вечерней красной газеты» за 1929 год	210
4.8.	К полемике вокруг нашей атрибуции писем «героев» «Бездны»: Андреев или Жаботинский	218
4.9.	Толстой. Андреев. Троцкий или «Л. Т.-цкий»?	221
5.	Жаботинский в газете «Волянь» (Житомир) 1901–1903 гг.: опыт экстенсивного изучения (псевдонимы «Ни пава ни ворона», «Псевдонимов», «Не тот», «Ни тот ни этот», Иорик, Омега, В.В.) ...	224
5.1.	«Волянь», начало, 1901 год: методологические замечания	224
5.2.	Жаботинский в «Воляни» 1901 г.: «Ни пава – ни ворона», первые подозрения	225
5.3.	«Ни пава – ни ворона» и «Псевдонимов» из «Воляни»	226
5.4.	«Первый блин» в «Масличных мотивах» и «Не тот» о псевдонимах	227
5.5.	Анонимная статья «Нашим анонимам»	228
5.6.	«Не тот» и Владимир Красное Солнышко	230
6.	«Волянь» 1902 год: От «Не того» и «Омеги» к Иорик через «Ни тот ни другой»	232
6.1.	«Ни тот ни другой», «Иорик» и Св. Владимир	232
6.2.	«Омега» «Воляни»: От провинциального корреспондента к провинциальному читателю	234
6.3.	Между «Омегой» и Alatalen'ой	235
6.4.	«Омега» и Паволакый Крушеван в «Воляни» до Кишинева	236
6.5.	«Омега», сионизм и «А тиква» в Талмуд-Торе до Кишинева	237
6.6.	Первое появление «Иорика» в «Воляни»	240
7.	«Волянь» в «кишиневский» 1903 год	243
7.1.	«Няня» «Омеги» из «Воляни», анонимные «Фройлен» «Освобождения» и «Фройлен» Altalen'ы «Одесских новостей»	243
7.2.	Письма «героев» «Бездны» Леонида Андреева и судьба «Омеги»	246
7.3.	Отголоски Кишиневского погрома у «Омеги»	248
7.4.	Фельетоны «Омеги» в «Воляни» и русский вариант «Сказания о погроме» Х.-Н. Бялика	252
7.5.	Фельетоны «Омеги» о Крушеване в «Воляни» и «После погрома» «Одессита» в «Киевской газете»	

на фоне русского варианта «Сказания о погроме» Х.-Н. Бялика	257
7.6. «Омега» «Волыни» и «Омега»–I. Оршер (Оль д'Ор) Масанова	263
8. «Провинциальные» псевдонимы столичного журналиста Владимира Жаботинского (1904–1905)	264
8.1. Зет, Zet и Турист в «Елисаветградских новостях» 1904–1905 гг.	265
8.2. Иш-Мацлиах из «Еврейской жизни» 1904 г. и «Медведь из берлоги» В. Жаботинского	272
8.3. «Ваш корреспондент» и «Читатель»: «Наша жизнь» 1904 г.	276
8.4. Аноним «Освобождения» и Zet «Елисаветградских новостей» 1904 г.	278
8.5. Аноним «Освобождения» и «Ак. Кр.» (Аким Крымский [?]) «Елисаветградских новостей» октября 1905 г.	280
9. В. Жаботинский, «В.В.» и «Риголетто» в «Театральной России» 1905–1906 гг.	290
9.1. В. Жаботинский и «В.В.» в «Театральной России» 1905 г.	290
9.2. В. Жаботинский. «В.» и «В.В.» и «Rigoletto»	297
9.3. «Rigoletto» («R.») как радикальный политический журналист	300
10. «В. Владимиров» в судьбе и творчестве Владимира Жаботинского (1902–1908) (идентификация псевдонимов в газетах «Русь», «Молва», «XX век», «Хроника еврейской жизни» [В. Владимиров, В. Г-ский, Z, А.Г.], в книгах на русском и польском языках, газетных статьях по-французски 1905–1907 гг.)	305
10.1. Вл. Ж. и В. Владимиров в «Руси»	307
10.2. Жаботинский, Z., В. Г-ский и В. Владимиров о Белостокском погроме 1906 г.	317
10.3. Книги В. Г-ского и В. Владимирова о Белостокском погроме	320
10.4. Хроника передвижений В. Жаботинского – В. Владимирова	333
11. А. Гартглас о Жаботинском в Белостоке	345
11.1. Мемуары В. Жаботинского и А. Гартгласа о совместной поездке в Белосток и газета «Страна» М.М. Ковалевского	345
11.2. Мемуары А. Гартгласа и сообщения «Z» «Хроники еврейской жизни» о Белостокском погроме	350
11.3. Мемуары А. Гартгласа о текстах Жаботинского в газете «Страна»	357
11.4. Анонимный текст «О БЕЛОСТОКСКОМ ПОГРОМЕ (Корреспонденция «XX века») Гродна» и «БЕЛОСТОКСКИЙ ПОГРОМ» (От нашего специального корреспондента)» А.Г. в «Хронике еврейской жизни»	358

11.5.	Л. «К белостокскому погрому (Письмо из Гродна)» в «Стране» и тексты Жаботинского о Белостоке	367
11.6.	Разгром квартиры д-ра Могилевера у «Z» и «А.Г.» «Хроники еврейской жизни» и в «Стране» как атрибуционный признак единства авторства текстов о Белостоке	373
11.7.	Передовые статьи о Белостоке в «Хронике еврейской жизни» и статьи в «Стране»	377
11.8.	Жаботинский в «Стране» вне Белостока: цикл «В царстве Польском», псевдонимы «Юрист», «С.»	381
11.9.	Приложение. Белостокский погром (от нашего специального корреспондента	384
12.	Псевдонимы Жаботинского 1906 г. в «Крымском курьере», «Руси», «Око», «XX веке» (Attalea, Московский, И. Костин, Одессит, В. Ольдемар)	390
12.1.	Жаботинский в «Крымском курьере» 1906 г.	390
12.2.	К «происхождению» псевдонима Alatalen'y – Attalea	396
12.3.	Статья Жаботинского из «Нашей жизни» о его аресте в Одессе в 1904 г. и атрибуция текстов Attalea	399
12.4.	Кто такой «Московский» в «Крымском курьере»?	402
12.5.	Кем стал Жаботинский в газете «Око»? (И. Костин, И. Кожин, И. К.)	405
12.6.	Моральные проблемы индивидуального террора у «Анонима», И. Костина (Кожина) и Жаботинского: от убийства Плеве, 1904 г. до убийства Столыпина, 1911 г.	411
12.7.	Политическая аналитика «Анонима» в «Освобождении» и проблема террора первой русской революции	415
12.8.	«А» в «Освобождении»: историческое осмысление террора в русской истории (убийства Петра III, Павла I)	420
12.9.	Жаботинский в «Дне» 1912 г. об убийце П.А. Столыпина Д. Богрове и «Аноним» об убийце фон Плеве Е. Созонове	423
12.10.	Образность публицистики Жаботинского: от «Анонима» «Освобождения» до «Фельетонов»	426
13.	Лев Толстой, Иннокентий Анненский и Леонид Андреев на фоне «В. Владимирова» – «В. Климкова» – В. Жаботинского	429
13.1.	Лев Толстой о «В. Владимирове»: источники информации	429
13.2.	Лев Толстой и «В. Владимиров» в записях Д. Маковецкого и Н.Н. Гусева	430
13.3.	«В. Владимиров» и книга «В...в» «Русские женщины на эшафоте» 1907 г.	434
13.4.	«В...в» и Н.Т. Волков рядом со Львом Толстым	436
13.5.	«Расправы и расстрелы» «В. Климкова», «В. Владимиров» и Иннокентий Анненский	439
13.6.	«Аноним», «В. Владимиров» и «В. Климков»	442
13.7.	«В. Климков» и «Старые эстонки» Иннокентия Анненского	446
13.8.	«Нельзя молчать» «В. Климкова» и «Не могу молчать» Льва Толстого	450

13.9.	Неожиданный претендент на псевдоним «В. Климкова»	451
13.10.	«В. Климков», «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева и Лев Толстой	452
13.11.	«В.З.», «П-ов» и «В. В-ов» в «Смоленском вестнике» 1908 г. и «дело Н. Попова»	456
13.12.	«г. Климков» как свидетель по делу Н. Попова и О.О. Грузенберг о прибалтийских статьях «Климкова–Попова»	458
13.13.	Несколько слов о братьях Поповых	460
14.	От «Смоленского вестника» 1908 г. к «Витебской жизни» 1906 г. и минскому «Голосу провинции» 1906–1907 гг.	463
14.1.	«Голос провинции» 1906 г.: «В.», «В.З.», «Непримиримый», «Илья Обломов», «Рудин» минского «Голоса провинции» 1906–1907 гг.	465
14.2.	«В.» «Голоса провинции» о Белостокском погроме	466
14.3.	«Idem.» «Голоса провинции» о городе Борисове	468
14.4.	«Непримиримый» «Голоса провинции» и усмирение Прибалтики	468
14.5.	«Потомки Обломова» Непримиримого, «Илья Обломов» и Рудин	470
14.6.	Будущий «Самсон» в 1906 г. из «Голоса провинции»?	473
14.7.	«Непримиримый» и «Илья Обломов» в «Голосе провинции» 1907 г.	475
15.	«Русь» и «Свободные мысли» за май–декабрь 1907 г.: Ив. Костин, Л. Костин, И. Кожин, И. Минин, Бепе, Полесский, Борисовский и снова: Attalea, Иорик, В. Белгородский, Одессит и др.	477
15.1.	«Русь» и «Свободные мысли. Понедельник»: опыт синхронного чтения	477
15.2.	«И. Костин», «И. Кожин» в «Руси» о польских проблемах и голоде в России 1907 г.	479
15.3.	В. Жаботинский между «И. Костиным» и «И. Кожиным» (интервью с членами «Союза освобождения»)	482
15.4.	Параллельные тексты в «Руси» 1908 и «Киевской мысли» 1909–1910 («Саров» И. Кожина и «Новый Афон» В. Рудина)	483
15.5.	«И.К.» как «Иван Кожин» и «Иван Костин»	485
15.6.	«Иван Кожин» и Государственная дума	487
15.7.	Иван Кожин (Костин) становится «Иваном Мининым»: «Русь» о событиях в Румынии	488
15.8.	«Передовик» «Руси», доктор Дубровин и палестинская газета «Газман»	490
15.9.	Жаботинский в «Руси» и «Свободные мысли. Понедельник»	497
15.10.	Кто такой «Товарищ В.» из «Свободных мыслей»?	500
15.11.	В. Жаботинский и «Радикальная партия» в 1907 г. (Еще раз о «Радикале»)	503

15.12.	Херем еврейским анархистам-экспроприаторам в «Борисовской» синагоге («Русь» Полесский, Иллюстрированное приложение к «Руси» Иорик, «Свободные мысли» Каров, Борисовский) и передовицы «Свободных мыслей» о суде над погромщиками в Белостоке	509
15.13.	Передовица «Свободных мыслей» 1908 и фельетон «Омеги» из житомирской «Волины» 1903	511
16.	«Н. Вержбицкий» – Жаботинский в «Руси» и «Руси-Понедельник» 1907–1908 vs «претендент на псевдоним» – Н.К. Вержбицкий – в словаре Масанова и в реальной жизни	523
16.1.	Мемуары Н.К. Вержбицкого 1960–1970-х гг. как заявка на псевдоним в «Руси»	523
16.2.	Н.К. Вержбицкий о «Руси» и новый претендент «на место» «В. Владимирова»	529
16.3.	«Наброски без заглавия. О пустом месте» Жаботинского, «О пустом месте и молодой России» А. Зенгера в «Руси» и «зеленая опасность» М.О. Меньшикова в «Новом времени»	534
16.4.	«Н. Вержбицкий», М.О. Меньшиков и молодежное приложение к «Руси» – «Русь-Понедельник»	535
16.5.	Д.М. Мережковский и религиозно-философские собрания в «Руси-Понедельник»	539
16.6.	«Кружок самообразования» «Н. Вержбицкого» и «Кружок» «Нового времени»	541
16.7.	«Половая» проблема в текстах «Н. Вержбицкого»	543
16.8.	«А.» о Павле I в «Руси-Понедельник» и о статье «Признания императрицы» Екатерины II «А.» в основной «Руси»: к проблеме управления страной после убийства предшественника и «А.» «Освобождения» о Павле I и Петре III	545
16.9.	А. Зенгер о Жаботинском в «О пустом месте и молодой России» в «Руси»	549
16.10.	Статья А. Зенгера «О пустом месте и молодой России» и «Царь-Голод» Леонида Андреева	552
16.11.	Е.Ф. Буринский – «Вержбицкий» Словаря Масанова и «Н. Вержбицкий» «Руси»	554
16.12.	«Н. Вержбицкий» «Руси» – «Руси-Понедельник»: опыт экстенсивного чтения	556
16.13.	Мемуары Н.К. Вержбицкого о Е. Буринском, К.А. Тимирязеве и А. Столетове в 1909 г. и «Н. Вержбицкий» в «Руси» 1908 г. о К.А. Тимирязеве, А.Г. Столетове и «правой науке» М.О. Меньшикова	559
16.14.	Салтыков-Щедрин и «мальчики в штанах и без штанов» у «Н. Вержбицкого» в «Руси-Понедельник» 1908 г., мемуары Н.К. Вержбицкого о 1910 годе и «рассказы» Е.Ф. Буринского Н.К. Вержбицкому о М.Е. Салтыкове-Щедрине	562
16.15.	«Н. Вержбицкий» о моральной проповеди Льва Толстого и о «новом искусстве» Элеоноре Дузе, и Андрее Белом	563

16.16.	«Н. Вержбицкий» об Элеоноре Дузе	564
16.17.	«Н. Вержбицкий» и Л. Толстой об актере и драме	565
16.18.	Эгаль и Altalena об Элеоноре Дузе, актере и драме	570
16.19.	Как и за что исключали из гимназии «Н. Вержбицкого» и Н.К. Вержбицкого, или Письмо «Н. Вержбицкого» министру народного просвещения в «Руси» 1908 г.	577
16.20.	«Писатель» в «Руси» об «Антоне Глупом» и «Н. Вержбицкий» в «Руси-Понедельник» об «Антоне Крайнем»	579
16.21.	«Писатель» в «Руси» об «Антоне Глупом» и Гоголь	583
16.22.	Казнь героя «Повести моих дней» Жаботинского – Н. Лебединцева – в 1908 году у «Писателя» в «Руси» и «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева	585
16.23.	Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, «Раскол в нигилистах» и язык полемики В.Е. Жаботинского с З.Н. Гиппиус в «Руси-Понедельник» и «Столичном утре»	588
16.24.	Рассказ «Н. Вержбицкого» «Родители и сынок»: ответ З.Н. Гиппиус на языке «Нашего дружеского хлама», или Еще раз о «Н. Вержбицком» и Е.Ф. Буринском	593
16.25.	Рассказ «Н. Вержбицкого» и «Юрист» «Страны» и «Руси»	598
16.26.	«Н. Вержбицкий», Е.Ф. Буринский и юридическая защита газеты «Русь»: к проблеме почерковедческой и фотоэкспертизы в русском суде	600
16.27.	Н.К. Вержбицкий – сотрудник Е.Ф. Буринского. К проблеме происхождения псевдонима и ошибки (?) Словаря Масанова	601
16.28.	В.Е. Жаботинский («Н. Вержбицкий» «Руси» и «Руси-Понедельник») о «Еврейском вопросе» (к проблеме Обломов–Штольц)	605
16.29.	«Н. Вержбицкий» о «Еврейском вопросе», «Еврейская крамола» и «Четыре статьи о «Чириковском инциденте» («Русская ласка», «Асемитизм», «Медведь из берлоги») В.Е. Жаботинского	611
16.30.	«Н. Вержбицкий», «зеленая опасность», «Из воспоминаний о нашей масленице» 1. «Диктатура молодежи» В.Е. Жаботинского и проблема «педократии» в «Вехах»	619
16.31.	«Юс» или «Юст»? В. Жаботинский или И. Шехтман? К проблеме идентификации носителя псевдонима в эмигрантском «Рассвете»	621
17.	Вл. Жаботинский и А.И. Никольский vs Масанов: встреча с «анонимом» (Еще раз об «Анониме» из «Освобождения» П.Б. Струве)	628
17.1.	Почему Масанов решил, что «Аноним» – это А.И. Никольский?	628
17.2.	В.Жаботинский и А. Никольский о Я.И. Новикове	630
17.3.	Встреча «Анонима» В. Жаботинского и «анонима» А. Никольского на выборах в Одессе	631

18. После Константинополя и перед бейлисиадой: Жаботинский в Керчи, «Керчь-Феодосийский курьер» 1910–1913: «Сигнальная система» «между двух революций»	638
18.1. В. Жаботинский («Александр В.») в «Керчь-Феодосийском курьере» 1910 г.	639
18.2. Интервьюер Жаботинского 1913 г. М. Галинский в «Керчь-Феодосийском курьере» 1910 г.	640
18.3. «Голос Крыма» Акима Крымского – А. Шиндельмана и «Александр В.»	641
18.4. «Александр В.» и «Аким Крымский» о возрасте и «вероисповедании» «молодого Керчанина»	646
18.5. «Милая Одесса» «Александра В.» в «Керчь-Феодосийском курьере»	648
18.6. М. Галинский о В. Жаботинском в «Керчь-Феодосийском курьере»	651
18.7. «Аким Крымский» и «Александр В.»: битвы лета 1911 г.	651
18.8. М. Галинский в «Голосе Крыма» «Акима Крымского» (Шиндельмана) vs «Александр В.» и В. Жаботинский	653
18.9. «Жаботинский и Гарнес» М. Галинского и Б. Харитон о Жаботинском	656
18.10. М. Галинский о Владимире Жаботинском и сотрудничестве в одесской «Еврейской мысли» 1906 г. в «Керчь- Феодосийском курьере» 1913 г.	659
18.11. Лекция В. Жаботинского в сентябре 1913 г. в изложении М. Галинского	662
18.12. М. Галинский – интервьюер Жаботинского о деле Бейлиса	668
18.13. Реакция круга Максимилиана Волошина и сестер Цветаевых на дело Бейлиса в Крыму в 1913 г.: к контексту интервью В. Жаботинского	672
19. Владимир Жаботинский и Лев Троцкий в газете «День» 1912–1913 гг.: вместе или врозь – встреча В. Жаботинского с Д.(Л.) Яновым?	675
19.1. В. Жаботинский и Д.(Л.) Янов в «Дне» 1912 г.: опыт сравнения	675
19.2. Лев Троцкий в «Дне»: стратегия умолчания?	680
19.3. Л. Троцкий о Белграде и Балканских войнах 1912–1913 гг.	682
19.4. Еще раз о В. Жаботинском и Л. Троцком, «Д. Янове» и «Л. Янове»	683
19.5. Что делал и где был Л. Троцкий около 19.12.1912?	685
19.6. Приложение. «Королевство Черной Горы» Д. Янова и «Сербия и Черногория» Антид Ото	694
20. Первая мировая война в репортажах В. Жаботинского в «Русских ведомостях» и в мемуарных книгах («Слово о полку» и «Повесть моих дней»)	703
20.1. Тайна военных маршрутов Жаботинского 1914 г. (к проблеме «Жаботинский и русские мистики»)	716
20.2. Маршруты Жаботинского 1914 г. и мистика «Мертвецов пустыни» Х.-Н. Бялика	718

21. Фрагмент «сигнальной системы» Жаботинского от мировой войны до революций 1917 г.: «Dubia» или обмен псевдонимами?	721
21.1. Н.Я. Коган – «Н. Тасин» – В.Е. Жаботинский: Париж–Реймс–Петроград–Киев (1914–1917)	721
21.2. Н.Я. Коган (Н. Тасин) – биография фантаста	722
21.3. «Н. Тасин»: «У французских позиций» и «В полувверсте от немцев»	724
21.4. «Н. Тасин» и В. Жаботинский в Реймсе: от «Киевской мысли» 1914 до «Повести моих дней»	726
21.5. «А.» и «Б. Воронов» – Н. Коган-«Тасин», «Н. Тасин» или Б.Н. Лебедев?	729
21.6. Н.Я. Коган-«Тасин» и В. Жаботинский в Париже	730
21.7. Кабель В. Жаботинского из Реймса в сентябре 1914 г.	732
21.8. Н. Тасин-Коган и А. Воронов в Париже и о Париже 1914 г. до и без В. Жаботинского	734
21.9. Н. Тасин-Коган «Великая русская революция», Париж 1917 г.	736
22. Между «Повестью моих дней» («Сипур ямай») и «Историей Еврейского легиона»: русский текст, контекст, подтекст	741
22.1. Что есть и почему в «Повести моих дней»?	741
22.2. «Пятеро» на фоне «Повести моих дней»	743
22.3. Чего нет и почему в «Повести моих дней»?	745
22.4. Макаронические игры Жаботинского с «Повестью моих дней» и «Пятеро»	752
22.5. Из комментариев к «Повести моих дней»: о чем «забыл» Жаботинский («освобождение» и «Освобождение» в контексте «Петербургского сборника» 1903–1904 гг.)	754
22.6. Что еще «забыл» Жаботинский в «Повести моих дней»: попытка восстановления зияний	766
22.7. Некоторые смыслы журналистских игр Жаботинского	767
22.8. Сын отвечает за отца: некролог отцу А. Гальперина (Эри Жаботинского)	772
23. Вместо эпилога. К проблеме атрибуции прото-«Пятеро» из «Освобождения»	776
23.1. «Пятеро» в 1903–1910–1934 гг.	776
23.2. «Пятеро» 1910 года	777
23.3. «Н. Вержбицкий» в «Пятеро» 1910?	787
23.4. Торик в «Пятеро» 1934 vs Зигфрид в «Пятеро» 1910	787
23.5. Прото-«Пятеро» на страницах «Освобождения» (Т. Здешний)?	789
24. Вместо послесловия и вместо заключения	795
Именной указатель	805
Указатель псевдонимов В.Е. Жаботинского	818
Указатель псевдонимов других лиц	821
Указатель органов печати	823

1. *От «Одесского листка» и «Фельетонов»
до «Повести моих дней»:
Жаботинский журналист-писатель-мемуарист*

Творчество Владимира Жаботинского рассматривается в этой главе так, как оно выглядело бы до начала наших исследований неизвестного Жаботинского, но в том случае, если бы биографы и исследователи творчества Жаботинского прочитали его тексты, сохранившиеся в старых русских центральных и провинциальных газетах и журналах.

Сама по себе эта задача возникла только вследствие того, что этого до сих пор сделано не было, с одной стороны, исследователями истории сионизма, для которых «русский» Жаботинский не так уж и актуален, не говоря уже о языковом барьере, а с другой – из-за того, что российские (о советских и речи нет) исследователи очень выборочно представляли себе персоналии русской культуры XX века, когда никакого Жаботинского для них всерьез не существовало (да и не существует!).

Более того, даже публикации Жаботинского в русско-еврейских и сионистских журналах изучались и использовались очень выборочно.

Поэтому здесь мы представляем только несколько фрагментов той картины, которую мы, по мере возможностей, попытаемся прописать в предлагаемом исследовании, но без которых трудно двигаться дальше.

Владимир (Зеев) Жаботинский (1880–1940) широко известен в самых разных своих ипостасях: радикального сиониста, острого публициста, яркого фельетониста, прозаика и мемуариста, но именно известен, а не прочитан и осмыслен.

Буквально в последнее десятилетие XX века и первые полтора десятилетия века XXI-го ощущается совершенно новый импульс интереса к его жизни и творчеству.

Прежде всего, это касается т. н. «русского Жаботинского». Постоянно переиздаются его романы «Пятеро» и «Самсон Назарей», мемуары «Повесть моих дней» и «Слово о полку. Еврейский легион по воспоминаниям его основателя», переиздаются переводы Бялика и другие переводные тексты.

В Иерусалиме в 2010 году прошла упоминавшаяся выше Международная школа «Русский Жаботинский. Жаботинский и Россия», первая в своем роде.

Сборник ее материалов вышел в свет в серии «Stanford Slavic Studies».

Роман «Пятеро» вышел в переводах на английский, немецкий и французский языки. Издан новый перевод на иврит «Самсона Назарея». В 2016 г. вышло в свет, пусть и очень несовершенное, далекое от нашего первоначального проекта издание «Повести моих дней» по английской рукописи Жаботинского из Архива «Махон Жаботински» (Тель-Авив) с неизвестной и неопубликованной главой о Первой миро-

вой войне, позволившей приступить к реконструкции мемуарной книги Жаботинского о Еврейском легионе, вышедшей отдельной книгой.

С 2007 по 2015 г. выходило в свет Полное собрание сочинений Владимира (Зеева) Жаботинского по-русски под научной редакцией автора этих строк.

А в Израиле с 2013 года выходит в свет новое Собрание сочинений Зеева-Жаботинского на иврите под редакцией проф. Арье Наора, где мы также принимаем участие.

Между тем именно безнадежно романтическая попытка издания максимально полного Собрания сочинений Жаботинского на русском языке постепенно привела к необходимости пересмотра наших представлений и о жизни, и о творчестве Владимира Жаботинского, и о достоверности его мемуаров, и даже о качестве казавшихся наиболее документально фундированных многотомных биографий лидера ревизионистского сионизма особенно в его «русские» годы.

Попытка собрания публицистики Владимира Жаботинского, в отличие от его художественных произведений, впервые была принята в одном издании в объеме, который позволяет сказать, что мы действительно получаем о ней достаточно полное представление, по крайней мере, за 1897–1905 гг.

Мы не говорим «абсолютно полное» потому, что писал Жаботинский далеко не только на русском языке, и собрание его текстов, написанных на иврите и идише, итальянском и английском и т. д., дело будущего. Однако до 1918 года лишь считанные тексты Жаботинского на иврите, идише или немецком языке учтены в его библиографии.

Сегодня, когда начался выход на иврите нового Собрания сочинений Жаботинского, становится ясно, что наше начинание способствовало активизации этой работы на языке Государства Израиль, которому, по мысли Жаботинского, надлежит стать языком всех евреев мира.

Теперь, безусловно, на очереди английское издание, к подготовке которого, надеемся, подтолкнет исследователей вышедший в 2016 г. на английском языке том мемуаров Жаботинского.

На сегодня же мы обладаем лишь более или менее представительным собранием сочинений Жаботинского на иврите. Однако оно не ставило перед собой задачу освещения российского этапа деятельности воинственного лидера реформистского направления в сионизме. Да и выходило это собрание тогда, когда трудно было говорить о чрезмерной популярности взглядов Жаботинского и в новообразованном возрождающемся Израиле, и в остальном еврейском мире, который был менее всего связан с Россией и тем более СССР.

Поэтому до сих пор никто даже и не ставил задачи собрания всего «русского Жаботинского». Попыткой только «картографирования» путей этого поиска и является предлагаемая работа.

А между тем в отличие от работы на любых других языках именно русское творчество Жаботинского охватило всю его жизнь: от первой публикации в «Одесском листке», где чуть позже он сотрудничал с Василием Розановым и чей первый литературный портрет создал, Жаботинский прошел свой путь через три русских революции и Первую мировую войну, через создание Еврейского легиона в Палестине, через

непризнание, изгнание оттуда, до момента начала реализации его худших предположений о судьбе еврейства в XX веке.

Все эти годы Жаботинский вел неустанную борьбу за создание Еврейского государства. Эта борьба привела его к выходу из Всемирной сионистской организации и созданию своей собственной Ревизионистской версии сионизма. Титаническая и невероятно объемная публицистическая и политическая, литературная и философская деятельность продолжалась вплоть до его последних предсмертных русских текстов в харбинском «Гадегеле», написанных уже тогда, когда казавшийся странным его призыв к эвакуации европейских евреев стал реальным вопросом мировой политики.

И если первая публикация в «Одесском листке» 1897 г. касалась довольно камерной и детской проблемы роли школьных оценок в процессе воспитания юношества, то последние статьи Жаботинского обсуждали уже трагические для еврейства проблемы начавшейся Второй мировой войны, когда книга «Фронт еврейской войны» («The Jewish War Front») 1940 г. вплоть до неопубликованного предсмертного синопсиса книги «Евреи после войны» уже предсказывали грядущие события вместе с книгой «Еврейское государство», продолжавшей идеи Герцля уже в новой исторической ситуации, когда на первый план выходила реальная политика создания Еврейского государства в Палестине.

Таков диапазон исторического контекста, который никак не зависит от воли человека. И он более или менее понятен. А вот биографический и автобиографический контексты, уже независимый или зависимый как от автора, так и друг от друга, в случае Жаботинского совершенно не совпадают и принципиально расходятся. Тем более что сам Жаботинский, вспоминая свои русские годы, не без гордости говорил о том, что работал он тогда честно, однако описывать это время совершенно не хочет. Отрицал он и причисление себя к зачинателям русской свободной печати 1900-х гг.

Это касается, прежде всего, его мемуаров, где мы не найдем, например, дела Бейлиса, не увидим активную журналистскую работу в массе газет, где открыто встречается его имя, не увидим его громадной работы в провинции, борьбу с погромами, не увидим подробного рассказа о крайне сложных и трудноописываемых из сегодняшнего дня взаимоотношениях с Максимом Горьким или Леонидом Андреевым, Толстым и Троцким и т. д. и т. п.

Здесь, правда, надо помнить, что все поздние тексты Жаботинского, так или иначе, были связаны с его борьбой за создание Еврейского государства любыми средствами, включая, естественно, военные. А в этом контексте литературные и даже политические споры в Российской империи к моменту написания мемуаров были уже неактуальны.

Да и в эмиграции многие соратники по ранним русским революционным годам, типа П.Б. Струве, склонялись к прогитлеровским симпатиям. А это Жаботинскому, обвиненному в симпатиях к нацизму, из-за бездарных и непродуманных поступков его соратников в Палестине, далеких от европейских реалий, было и вовсе ни к чему вспоминать в книге 1936 г.

Более того, Бен-Гурион даже назвал его «Владимир Гитлер». В этих условиях уже симпатии к раннему Муссолини выглядели неуместно.

Казалось бы, что было проще: взять да и собрать тексты Жаботинского и расположить их, например, в хронологическом порядке от 1897 до 1940 г., рассмотреть последовательно развитие идей Жаботинского, его рост как публициста, политического и еврейского деятеля, писателя, поэта, мемуариста, и сделать соответствующие выводы.

Поступить так действительно можно и даже, мы не сомневаемся, – необходимо. Но действовать пришлось совершенно иначе.

Сегодня уже многолетний опыт работы над Полным собранием сочинений Владимира (Зеева) Жаботинского, подготовка томов которого дошла до не вышедшего полностью в трех книгах тома 1905–1907 гг., навсегда испорченного пиратской публикацией обнаруженных нами материалов, показал, что на этом пути нас ждали не только обретения, но и потери. Этому простому решению, реализованному в Собрании, в случае попытки воссоздания духовного и жизненного пути Жаботинского по его текстам, мешает как раз наличие собственных сборников статей и не таких уж малочисленных книг Жаботинского.

Кстати, в мемуарах «Повесть моих дней» Жаботинский говорит, что книги его успеха не имели и не переиздавались. Так вот и это очень далеко от реальной действительности.

Говоря о книгах публицистики Жаботинского, мы, прежде всего, имеем в виду его знаменитый и более или менее полно переведенный на многие языки сборник «Фельетоны», вышедший при жизни автора по-русски минимум трижды в двух редакциях. (Оставляем в стороне бестселлер произведений Бялика по-русски.)

Необходимо упомянуть, что название «Фельетоны» наследовало соответствующей функции в австрийской культуре основателя политического сионизма Теодора Герцля, чей русский сборник «Фельетонов» Жаботинский в 1912 году, всего лишь за год до выпуска своего, снабдил предисловием.

Однако два (или три, если считать за разные издания два тиража русской книги 1913 г.) издания «Фельетонов» – петербургское 1913 и берлинское 1922 гг. существенно отличаются друг от друга. И соответствуют они двум важнейшим периодам как становления Жаботинского, русскому и эмигрантскому, так и двум этапам жизнестроительства автора статей и фельетонов 1906–1908–1913 и 1908–1922 гг.

Достаточно того, что первое издание «Фельетонов» было напрямую связано с событиями времен «дела Бейлиса», предшествовавшего краху Российской империи, отмечавшей в этом же году 300-летие Дома Романовых; а второе издание вышло уже тогда, когда в итоге Первой мировой и Гражданской войн и двух русских революций 1917 г. не стало ни Российской империи, ни Романовых, ни даже той русско-еврейской среды, в которой вырос, сформировался и прославился Жаботинский, а Бейлис через Палестину проследовал в Америку. В эмиграции оказались и его защитники.

В 1922 г. речь уже шла об издании «Фельетонов» в среде русской и русско-еврейской эмиграции, да и сам Жаботинский был уже далеко не просто ярким еврейским журналистом.

Понимал это и сам автор. Часть текстов он изъяс, конструкцию сборника изменил, а добавил, в числе прочего, важнейшую статью от 1 января 1912 года «Гороскоп», в которой он предсказывал гибель

Европы почти также, как его современник и собеседник по интервью 1914 года в «Русских ведомостях» шведский мистик Свен Гедин или Хедин в то же самое время. Но уже в 1936 году, когда на иврите выходили в свет мемуары Жаботинского «Сипур ямай», мемуаристу не очень хотелось обсуждать совпадения своих мистических предчувствий в 1912–1914 годах с мыслями человека, который, несмотря на отсутствие антисемитизма, приветствовал Гитлера. Но раз в мемуарах Жаботинского нет никаких следов дела Бейлиса, да и 1913 года вообще, то нет в них и рассказа о подготовке и издании самой знаменитой его публицистической книги.

Но это будет уже тогда, когда через 22 года после начала Первой мировой войны он будет вспоминать о России своей молодости, но произойдет это через три года до прихода к власти нацистов в Германии и за три года до начала уже Второй мировой войны.

Пока же, через 10 лет после своих одесских предвидений, в русском Берлине 1922 года Жаботинский не без удовольствия вспомнил о давней статье.

Вот еще один, но яркий пример различий между петербургским и берлинским изданиями, который, однако, способен продемонстрировать всю тонкость работы автора как со своими старыми текстами при объединении их в книгу, так и, говоря современным языком, со своим имиджем.

Именно эта мастерская работа, постоянно продолжавшаяся на протяжении всей его жизни, и позволила Жаботинскому ускользнуть практически ото всех попыток несанкционированного им самим проникновения в свою реальную и очень закрытую биографию, не говоря уже о проникновении во внутреннюю и тем более личную жизнь Altalen'ы.

Первое издание «Фельетонов» завершалось статьей «Четыре сына», посвященной Песаху 1911 г., когда ни о каком процессе Бейлиса еще и речи не шло. Да и сам Бейлис был арестован только в августе того же года. Однако именно Песах 1911 г. стал водоразделом в судьбе российских евреев.

В 1913 г. острые статьи Жаботинского 1911 г. были очень памятны его читателям, а немалое количество русских евреев с надеждой вслушивалось в его публичные выступления лета, начала осени 1913 г., которые так и не попали на глаза историкам, оставшись в старых провинциальных газетах.

Поэтому и напоминание о своей статье, посвященной русско-еврейским и иудеохристианским отношениям, было вполне уместно. Да и слово «ритуал» из последнего абзаца этой статьи, еще не имевшей никакого «кровавонаветного оттенка» в 1911 и приобретшего его в 1913, где оно выглядело как предсказание, пусть и бессознательное, будущих событий, уже никак не могло завершать сборник.

Разумеется, нет никакой гарантии, что сверхчувствительный Жаботинский мог что-то узнать об аресте никому не известного киевского приказчика. Ведь он был активным автором хотя бы «Киевской мысли», хотя об этом до сих пор ничего не было известно. Но ведь и в Киеве, по воспоминаниям первого адвоката Бейлиса Арнольда Марголина, никто слишком всерьез к этому делу поначалу не отнесся. Но «еже писах

писах». Все это подробно описано в нашей книге «Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса» с подробными текстами о Жаботинском, к которым сегодня можно добавить не так уж мало материалов.

Понятно, что заканчивать берлинскую книгу 1922 г. абзацем со словом «ритуал», столь важным в Петербурге и всей России 1913 г., года процесса по обвинению Менделя Бейлиса в совершении именно «ритуального убийства», было через девять лет после оправдания обвиняемого уже анахронизмом.

Поэтому и состав берлинской книги – другой. Как другим стал и сам автор.

Однако и там, в русском Берлине 1922 г., оставались актуальными знаменитые статьи Жаботинского прежних времен «Четыре сына» и «Вместо апологии», которые пережили непосредственный повод своего написания. Но статья «Вместо апологии» тоже имела свой исторический контекст и не предназначалась в момент написания специально для будущей книги.

Однако даже в новейшей библиографии Жаботинского 2007 г. эта актуальнейшая статья 1911 г. фигурирует лишь в качестве части книги «Фельетоны», вышедшей двумя годами позже. А ведь в газетном варианте она имела несколько другое жанровое оформление, будучи одним из эпизодов любимого Жаботинским жанра дорожных разговоров. В книге же «Фельетоны» никаких следов этого не остается. И удачный текст диалога превращается в боевую публицистическую статью. Таким образом, даже известнейший текст Жаботинского обретает в реальном контексте свою историю. Чего уже говорить о текстах и даже целых сквозных темах творчества Жаботинского, которые не находили и не находят себе места даже на страницах специальных работ о нем.

Еще интереснее состав авторизованного перевода на немецкий язык тех же, как кажется, «Фельетонов» в 1930 г.

Если «Фельетоны» 1913 г. начинались со статей «О национальном воспитании» 1906 г., «Речью к учителям», естественно еврейским, 1903 г., продолжались чуть позже статьей о погромах 1906 г., года Белостока. Затем они переходили к проблеме участия евреев в русской революции «Еврейская крамола» 1906 г., к рассуждениям о «Евреях и русской литературе» и «Четырем статьям о “чириковском инциденте”» 1908–1909 гг., за этим шли статьи о польско-еврейских отношениях 1910–1911 гг., о евреях-выкрестах «Наше бытовое явление» 1911 г., и лишь затем наступало время «Вместо апологии». А после статей о языках, о юбилее Шевченко и т. д. следовали «Мракобес» (1912) и, наконец, «Четыре сына» 1911 г.

Нетрудно видеть, что уже в первых «Фельетонах» порядок следования статей был далеко не хронологическим.

В Берлине 1922 года, в русском переиздании «Фельетонов», статье «Вместо апологии», где речь шла о полном неприятии Жаботинским постоянного и назойливого еврейского самооправдания за все, в чем евреев обвиняли, о непременном и гордом отказе постоянно самостоятельно садиться на скамью подсудимых, нашлось место в самом начале книги. Ведь тогда очень популярными были идеи кающихся за русскую революцию евреев, типа авторов сборника «Россия и евреи»,

где проводились мысли, так пригодившиеся уже А.И. Солженицыну в его позорных «200 лет вместе», где нашлось место и фальсификации идей Жаботинского.

За этой статьей, как мы помним, 1911 года едва ли не демонстративно последовали «В траурные дни» 1906 г., «Еврейская крамола» того же 1906 г., статья о евреях-выкрестах «Наше бытовое явление» 1911 г., знакомые нам статьи о евреях и русской литературе 1908–1909 гг., размышления о еврейско-польских отношениях, актуальные в результате появления независимой и антисемитской Польши. Кроме того, появилась новая статья 1913 г. «Раса», и знакомый нам юбилей Шевченко. Однако после этого следовала статья «Великая Албания» 1913 г., написанная в рамках большого цикла статей о Балканских войнах 1912–1913 гг., ставших предвестьем Первой, а тогда просто мировой войны. Однако ни одной статьи из газеты «Русь» 1904–1908 гг., ни статей из «Дня» 1912–1913 гг., где в очередь с Троцким шли статьи именно об этой войне, мы в «Фельетонах» не видим. Зато через несколько статей появился в книге упоминавшийся выше пророческий «Гороскоп» 1 января 1912 г., а за ним, несколько неожиданно, культурологическая статья «Муза моды» 1916 г., правда, в ряду нескольких статей о мировой войне из «Русских ведомостей».

А теперь немецкий вариант (Берлин 1930 г.), где последовательность «Фельетонов» уже такая: «Вместо апологии», «Разговор о расе», «На ложном пути» 1912 г., а затем принципиально новые тексты 1927 г. типа «Der Handler», «Der Jewelgedanke» или текст о юности Бялика, написанный для обращения к юным бейтаровцам. Здесь же постоянные для «Фельетонов» «Дезертиры», «Траурные дни» и появившийся в берлинских по-русски «Фельетонах» «Гороскоп».

Нетрудно видеть, что никаких проблем еврейской школы в России, никаких проблем евреев в русской литературе и т. д. здесь уже нет.

Но именно в этом же 1930 г. Жаботинский выпускает сразу три своих русских книги «Рассказы», «Стихи: переводы-плагиаты-свое», где много и очень ранних текстов, и книгу «Causeries», где в числе прочего можно найти и, как мы покажем позже, заметку об Одессе «Моя столица», которая задела Максима Горького.

Теперь «Фельетоны» выйдут на иврите в 1936 г. в составе, наиболее близком к изданию 1913 г., но с «Сипур ямай» с датой 1936 в качестве первого текста, предшествующего вышедшему в 1928 г.? по-русски «Слову о полку», и с обращением к ивритским читателям 1932 г.

Так «Фельетоны» на иврите стали «комментарием» или приложением уже к позднейшей автобиографии Жаботинского, обращенной если и к русским по происхождению евреям, но уже к ивритским читателям.

Именно в таком контексте эта знаменитая книга пришла к новому русскому читателю, и именно в таком виде с добавлением истории Еврейского легиона и в окружении повести «Пятеро» и «Сасона Назарея» она вошла в посмертное ивритское Собрание Жаботинского.

Так, в сущности, сформировалось представление о русском Жаботинском, на котором, как это ни странно, основываются и ивритские, и русские читатели одновременно.

А вот английские читатели полных «Фельетонов» не имеют, «Слово о полку» они получили в 1945 г., а «Повесть моих дней», как мы говорили, в 2016-м.

Этот пример показывает, что и самые знаменитые тексты Жаботинского давно вырваны из своего исторического контекста и существуют как бы автономно, даже вне библиографии. Так целая глава «Сипурямай» о газете «Русь» не подвигла исследователей на поиск и анализ этой газеты и опубликованной там сотни только подписных и гарантированных текстов Жаботинского. И осталась эта важная русская газета, как, впрочем, и «Одесские новости», непрочитанной.

Однако здесь речь идет о широко известных, если не знаменитых текстах автора «Фельетонов».

А между тем, если вернуться к 1913 г., делу Бейлиса были посвящены далеко не только те статьи, что вошли в знаменитую книгу. Целая серия статей «О ритуальном убийстве» десятилетия оставалась на страницах «Одесских новостей» вместе с исключительно важным текстом «Дело без Бейлиса» и заключительным выступлением Жаботинского о процессе уже после его окончания – «Первая половина вердикта», затерявшимся на страницах петербургской «Речи». А на этих страницах мы приведем и комплекс материалов из крымской печати лета-осени 1913 г., где мы сможем услышать живой голос Жаботинского, выступающего перед своими соплеменниками в тревожные дни, сразу по возвращении с Сионистского конгресса, и их реакцию, и т. д.

Интересно, что само дело Бейлиса даже не было для Жаботинского главным в тот момент, автор «Вместо апологии» и «Дела без Бейлиса» и так не сомневался в окончательной победе. Но ведь именно такое сочетание тем и проблем, включая еще и проблему т. н. человека леванта, почти прямоком ведет к структуре «Фельетонов», к пониманию их смысла и строения, да и дальнейшей работы с этой текстовой структурой.

Эти сведения могут показаться не такими уж и важными для нас, сегодня уже знающих и итоги процесса по делу Бейлиса, и дальнейшую судьбу его участников. Однако помимо исторических итогов тех или иных событий важными могут оказаться и их историко-культурные последствия, часто независимые от тех, кого они коснулись. А историческое значение этих статей и фельетонов может оказаться сегодня даже важнее для нас, чем для непосредственных их читателей в годы написания того или иного текста. Поэтому в данном случае именно хронологически последовательная публикация по возможности всех текстов времен дела Бейлиса позволит нам вернуть их в реальный исторический контекст 1911–1912 гг., по отношению к которому оба издания «Фельетонов» 1913 и 1922 гг. станут уже следующими этапами развития творчества Жаботинского. Не забудем, что реалии русской жизни, предшествовавшей октябрьскому перевороту, стали поистине «непонятней, чем Пушкин, и видятся только во сне».

И с текстами Жаботинского времен «дела Бейлиса» получилось именно так. Ведь не только имя Жаботинского на десятилетия исчезло со страниц истории и русской и русско-еврейской культуры. Исчезло с них и имя постоянного, по большей части скрытого, оппонента Жаботинского из круга русской радикально правой печати В.В. Розанова.

Того самого Розанова, перу которого (в соавторстве с о. Павлом Флоренским) принадлежит одна из самых позорных книг того времени – «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». Она была призвана «философски» доказать существование у иудеев кровавых ритуальных жертвоприношений.

Из-за того что имени Розанова нет в статьях Жаботинского 1911–1913 гг., вошедших в «Фельетоны», никому из исследователей не приходило в голову сравнить тексты двух мыслителей – русского и еврейского. А ведь сделай они это, роль Жаботинского в борьбе с радикальным русским философским антисемитизмом и роль Жаботинского в формировании позиции защиты на процессе по делу Бейлиса, да и в русской журналистике начала XX века вообще, стала бы очевидной. Кстати, теперь, когда газетные сочинения Розанова изданы уже в нескольких десятках томов, мы можем без труда найти там в указателях и имя Жаботинского.

Неудивительно, что в серии статей «О ритуальном убийстве», не вошедших в «Фельетоны», имя Розанова названо открыто. Так, понятные с виду «Фельетоны» времен дела Бейлиса обретают совершенно другое значение и измерение. А сам Жаботинский вновь и далеко не случайно исключает их из своего сборника. Ведь сам он был противником т. н. «документальной защиты» еврейства, которую он и называл «апологией» или доказательством самими евреями отсутствия у иудеев ритуальных жертвоприношений христианских младенцев. Жаботинский предлагал «доказывать» их существование тем, кто верит в этот бред. Однако, будучи «дисциплинированным» сотрудником «Одесских новостей», он все же и сам стал участником подобной защиты. Что, однако, не помешало ему занимать и собственную позицию, некоторые (но не все!) материалы чего и вошли в «Фельетоны». Именно двойственность позиции Жаботинского, и далеко не только в этом случае, привела к его отказу от мемуарного анализа этих событий, актуальность которых существенно уступала его текущей деятельности. Да и не стал Жаботинский вспоминать, раскрывая один свой очень прозрачный псевдоним Attalea, что впервые он использовал многие образы «Вместо апологии» просто применительно к русскому интеллигенту в сатирической заметке в приложении к уже многожды упоминавшейся «Руси» 1907 г.

Но как бы Жаботинский ни менял свои книги сообразно временам, языкам и странам, не надо думать, что Жаботинский вовсе забыл о России. Она «ушла» в его художественные произведения, типа одесского романа «Пятеро» или сложного библейского повествования «Самсон Назарей». Не забудем, что эти сочинения печатались с продолжением в тех же самых журналах «Рассвет», где из номера в номер, иногда и по несколько статей под псевдонимами или даже без подписи, а то и с использованием в качестве псевдонимов имен вполне реальных коллег, печатались его же острейшие тексты на общеполитические или внутрисионистские темы. Здесь же можно было встретить и порой неожиданные рецензии на книги его писателей-современников.

Тема «Рассвета» во всех его вариантах и работы там Жаботинского на протяжении десятилетий в предлагаемую работу не входит. Объем написанного там Жаботинским практически равен его продукции в других органах печати за соответствующие годы.

Так Жаботинский продолжил свое участие в становлении русско-еврейской литературы, которую он понимал как еврейскую литературу на русском языке. И свой вклад в нее внес еще в России пьесой в стихах «Чужбина», которая была, как считается, запрещена в 1910 г., а полностью вышла в Берлине в том же 1922-м, что и «Фельетоны» П. Правда, из переписки с Горьким мы знаем, что пьесу изъят из продажи сам Жаботинский, а цензурный экземпляр никаких запретов не содержит.

Да и попытки ее публикации Жаботинский предпринимал тогда же в довольно своеобразной форме подробнейшего пересказа в «Рассвете». Он как был, так и остался классиком русско-еврейской, да, похоже, с течением времени, и русской литературы, где без «Пятеро» уже никогда не будет Одессы в русской литературе.

Неудивительно поэтому, что одними из наиболее известных наряду с «бейлисовскими», статей «Фельетонов» являются «Четыре статьи о «Чириковском инциденте»».

Эти статьи были посвящены скандалу, разыгравшемуся во время чтения еврейским драматургом Шолом Ашем своей пьесы русским литераторам в доме известного русского писателя и драматурга, автора популярной тогда пьесы «Еврей» Евгения Чирикова¹. На замечание Чирикова и его коллеги К. Арабажина, что пьеса Аша, мягко говоря, несовершенна, Аш с возмущением заметил, что русским писателям его пьесы не понять.

Это вызвало резкую реакцию слушателей, которые менее всего были связаны с идеями антисемитизма. Другое дело, что скандал 1908 г. был слишком близок к концу многолетнего запрещения в России театров на идише, закончившегося не по воле властей и относительно «официально» только в 1905 г. Так что высказывание Ш. Аша тоже могло иметь совершенно иную окраску, чем утверждение, что русскому еврея не понять.

Но, так или иначе, это событие попало на страницы тогдашней печати и вызвало грандиозный резонанс, на который явно не рассчитывали участники скромных салонных чтений.

Справедливость требует отметить, что очередной официальный запрет идишского театра имел место в 1910 г., однако практического успеха эта мера властей не имела.

В 1912 г., напомним, за год до выхода в свет «Фельетонов», вернувших читателя к «инциденту» 1908 г., в России функционировало 16 трупп, из них только 4 стационарных (две в Варшаве и по одной в Лодзи и Одессе²).

Следовательно, в «материковой» России был всего лишь один стационарный театр на идише.

«Чириковский инцидент» стал началом грандиозной общероссийской дискуссии о т. н. «национальном лице», т. е., в сущности, дискуссии о возможности позитивного обсуждения в русских либеральных кругах проблем русского национализма. Одним из ярчайших представителей

¹ Михайлова М. Еврейская тема в творчестве Е.Н. Чирикова и «Чириковский инцидент» // «Параллели». Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2003. С. 163–188.

² Иванов В. ГОСЕТ: политика и искусство. 1919–1928. М., 2007. С. 15.

этого направления оказался П.Б. Струве. Именно предложенный им образ русского народа как медведя, вставшего из берлоги, и послужил основой полемики. Впоследствии эта дискуссия разрослась настолько, что на статьи «Г-на Ж» откликнулись десятки изданий, а сама история привела к выпуску специального сборника «По вехам», посвященного этой дискуссии. Кстати, Е. Чириков написал тогда текст под характерным названием «Благодарю, не ожидал»³.

Напомним, что в романе «Пятеро», связанном с событиями как раз около 1908 г. (что, по-видимому, тоже не случайно), отмечается, что антисемитские выпады в студенческой среде, имевшие место в период действия романа, были абсолютно невозможны еще за несколько лет до этого.

Надо отметить, что итоги «Чириковского инцидента» для еврейских писателей тоже были небесплодны. Так, Шолом Аш посвятил ему достаточно герметичный для современного читателя роман на идише «Мэри»⁴, а Жаботинский ответил Чирикову как раз «Чужбиной», некоторые эпизоды которой прямо противостоят сценам «Евреев». Причем общеинтеллигентскому сочувствию евреям в пьесе русского драматурга противопоставлена у Жаботинского жесткая сионистская позиция.

Однако для Жаботинского проблема «евреев в русской литературе» в 1908 г. не была новой и неожиданной. Ведь его соученик и коллега (как по обучению гимназии, так и по вылету из нее) Корней Чуковский еще в 1906 г. опубликовал статью на эту тему, где молодой критик выражал сомнение в том, что евреи способны внести свой заметный вклад в русскую литературу⁵. Это высказывание Чуковского тогда же привело к острой дискуссии о евреях в русской литературе, в которой принял участие и упомянутый выше В.В. Розанов, среагировавший уже на выступление Жаботинского. Разумеется, на его тогдашние газетные статьи, позже попавшие в «Фельетоны».

Именно из статьи Розанова 1908 г. «Пестрые темы» II⁶ можно было узнать, что Розанов и Жаботинский познакомились в Риме в 1901 г., когда Жаботинский еще не был радикальным участником еврейского национального движения и когда, по словам Розанова, Жаботинский

³ Чириков Е. Благодарю, не ожидал / «По вехам...» Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице» (1909) // Национализм. Poleмика 1909–1917 / Сост. М.А. Колеров. М., 2000. С. 138–140.

⁴ Кельнер В. Петербургские реалии романа Шолома Аша «Мэри» // Лехаим. М., 2007. № 2 (178). С. 89–93. Этот текст потребовал нашей существенной редакции при подготовке его к печати.

⁵ Чуковский К. Евреи и русская литература // Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях / Авт. и сост. Евг. Иванова. М., 2005. С. 109–119. Эта работа содержит ряд важных материалов о Чуковском и Жаботинском, однако сама тема заслуживает дальнейшего исследования. В частности, некоторые отзывы Чуковского о Жаботинском в переписке с Р. Марголиной и даже в Дневнике Чуковского необходимо сопоставить с реалиями советской жизни середины 1960-х гг. и условиями открытой корреспонденции.

⁶ Розанов В. Пестрые темы. II // Розанов В. В нашей смуте. Письма к Э.Ф. Голлербаху. М., 2004. С. 114–120. (Впервые: «Русское слово» 22 мая 1908.)

был вполне русским литератором. Теперь же Жаботинского, который в Риме вполне успешно ел мясные котлеты со сливочным маслом⁷ (то есть откровенно нарушал кашрут), Розанов описывает как еврея в лапсердаке и широкополой шляпе. Разумеется, в таком виде Жаботинский не ходил никогда. Однако Розанову для создания своего образа старого знакомого, превратившегося из русского литератора в еврея, годились любые средства. Тем более что за Жаботинским тянулась и легенда о том, будто его интерес к еврейской теме связан исключительно с особо сильным впечатлением от кишиневского погрома 1903 г., когда бывший замечательно талантливый русский журналист еврейского происхождения неожиданно для всех стал непримиримым сионистским вождем.

Свою лепту в бытование этой легенды внес, как видим, и Розанов, а в 1930-е гг. еще, например, и Михаил Осоргин, и некоторые другие, хотя внешне, без учета как раз сверхраннего творчества Жаботинского, выглядело это именно так. Однако чтение даже самых ранних корреспонденций Жаботинского из Италии показывает, что интерес к еврейской теме и еврейству был ему присущ с самого начала.

Достаточно вспомнить его первую корреспонденцию о Римском гетто или рассуждения об антисемитизме в австрийских университетах, не говоря уже о публикации в еврейском «Восходе» еще в 1898 г. текста «Город мира. Древнее сказание», посвященного Иерусалиму, в одной из этимологий названного именно так (Ир Шолом). А в августе-сентябре 1902 г. Altalena печатал в «Одесских новостях» «Древле. Сказание о любви израильтянина Зимри к язычнице Казве» или вовсе статью «О сионизме». При этом, говоря о раннем творчестве Жаботинского-газетчика, разумеется, надо учитывать и то, что «Одесский листок» или «Одесские новости» не были чисто еврейскими органами, и их корреспондент должен был отражать все особенности жизни Одессы или Италии, с которыми ему пришлось столкнуться по долгу журналистской службы.

Кроме того, нельзя забывать и то, что развитие еврейского национального движения знаменательно совпало с годами вхождения Жаботинского в литературу и журналистику. 1897-й – год первой публикации Жаботинского – был годом Первого сионистского конгресса, а трагический для российских евреев 1903 г. – год кишиневского погрома – оказался годом принятия сионистским конгрессом окончательного решения о создании еврейского государства в Палестине.

Говоря о причинах резкого поворота Жаботинского от т. н. общечеловеческих ценностей к ценностям еврейским, нельзя забывать о том, что молодой одесский журналист и драматург оказался готов к тем решающим событиям в жизни еврейского народа, которые сделали из молодого и удачливого русского литератора одного из лидеров еврейства XX в.

Поэтому неудивительно, что уже в 1904 г. Жаботинский становится активнейшим автором «Еврейской жизни». Здесь он публикует

⁷ Этот образ на долгие годы, вплоть до «Обонятельного и осязательно-го отношения евреев к крови» и «Пятеро», будет знаком полемики Розанова и Жаботинского. См.: *Кацис Л.* Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006. С. 411–450. («Василий Розанов и Владимир Жаботинский до, во время и после бейлисиады»)

обширные теоретические статьи, споря, например, с территориалистами, которые предлагали непалестинские варианты создания еврейского национального очага. Куда более удивительно, что в этом журнале активно печатается и его друг Корней Чуковский, едва ли не начавший свою литературную деятельность с переводов сионид с английского языка.

Более того, полное издание Дневника Чуковского за предреволюционные годы пестрит упоминаниями Жаботинского и в ряде случаев содержит то ли сцены, параллельные будущим «Пятеро», то ли свидетельствует об участии автора Дневника в событиях, легших в основу романа. В любом случае, влияние Жаботинского на Чуковского не только в предреволюционный период, но и в 1920-е гг., когда в Берлине массивно переиздается «русский Жаботинский», выходит далеко за пределы юношеской дружбы⁸.

Неудивительно поэтому, что уже перед смертью Чуковский с такой теплотой вспоминал о Жаботинском в переписке с Р. Марголиной. Причем характерно, что сама эта переписка была сначала опубликована в редком русскоязычном израильском журнале «Менора» и лишь затем в отдельной книге.

Обсуждение проблемы «Евреев в русской литературе», пьесы «Чужбина» и «чириковского инцидента» позволило нам погрузиться еще на шаг вглубь биографии Владимира Жаботинского и перейти к его самым первым драматургическим опытам. Ведь начинал он не только как журналист, но и как драматург. Так, в 1901 г. в Одессе была поставлена и прошла два раза пацифистская пьеса «Кровь» («Министр Гамм»), которая представляла собой переработку пьесы итальянского драматурга Ломбардо.

Пьесу эту Жаботинский напечатал и в виде, как он сам выразился, газетного фельетона. А встречи со странным человеком – автором «Крови» несколько раз отмечал в своих корреспонденциях. Следующая пьеса «Ладно» была показана лишь один раз, как сообщают исследователи, со скандалом, 5 ноября 1902 г. Она считалась утерянной, однако была не так давно обнаружена В. Левитиной в архиве «петербургского суворинского – антисемитского – театра (Москва, ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, ех. 972). Как могла она сюда попасть? – это вызывало недоумение. Но из письма – единственного – самого Жаботинского Суворину это стало ясно: он отдал ее артисту этого театра Глаголину во время гастролей в Одессе. Общественное лицо этого театра Жаботинскому, возможно, было неизвестно: работавший корреспондентом «Одесских новостей» в Италии, он в какой-то степени был оторван от России и вернулся в родной город лишь недавно. Но даже если допустить, что о неблагоприятной репутации театра он слышал, то вряд ли обратил на это особое внимание: духовный переворот, который сделал его сионистом, – дело очень недалекого, но все же будущего»⁹.

⁸ *Кацис Л.* От еврейской Одессы до Петрограда. Дневники К.И. Чуковского (1901–1922) // Лехаим. М., 2007. № 1. С. 90–95; *Кацис Л.* Из Петрограда в Ленинград. Дневники К.И. Чуковского (1922–1935) // Лехаим. М., 2007. № 2. С. 94–97.

⁹ Приложение II // Левитина В. ...и евреи – моя кровь (Еврейская драма – русская сцена). М., 1991. С. 239–240.

Между тем ответ на недоумения видного исследователя русско-еврейской сцены находится как раз в перепечатанных в первом томе публицистики Жаботинского крайне мелких театральных заметках Altalen'ы.

Говоря о низком уровне одесского театра, Жаботинский приводит в пример как раз становление театра Суворина, возникшего при появлении настоящего режиссера из группы артистов. Если учесть довольно горький опыт общения Жаботинского с одесскими трупами, с одной стороны, и внимательное отслеживание тенденций развития театра в Италии – с другой, выбор театра Суворина, который в 1901–1902 гг. еще не имел такой уж антисемитской репутации, представляется логичным и ясным¹⁰. Кстати, стоит отметить, что в 1885 г. именно в издании Суворина вышел поворотный сборник стихов С. Фруга «Стихотворения», отразивший перелом в сознании поэта после кровавых погромов 1881–1882 гг.¹¹

Однако судьба ранней драматургии Жаботинского в русской культуре вовсе не сводится к чисто театральным перипетиям. Ибо именно она, оказывается, сложно переплетена с многолетними и непростыми взаимоотношениями Жаботинского с героем его ранних и не только корреспонденций, рассказов, писем и публицистики – Максимом Горьким. А этот сюжет непростыми нитями связан уже с Борисом Пастернаком и Мариной Цветаевой.

Почти детективные обстоятельства достаточно долгих взаимоотношений Жаботинского и Горького вполне могут стать предметом специальной монографии. Если в 1890 – самом начале 1900-х гг. Горький для молодого Жаботинского – символ русской культуры, гарант серьезности русского присутствия в Италии, к 1901 г. он был уже автором статьи на итальянском языке о Горьком и Чехове, а к 1903 – рецензентом многих постановок пьесы Горького «На дне», рассказов о писателе (где он бывал назван или не назван открыто).

Однако все перекрывает история с упоминавшимся выше итальянским драматургом Ломбардо, которому принадлежит прототекст пьесы «Кровь», которую и переработал Жаботинский. Дело в том, что этот знакомец Жаботинского умудрился написать собственную пьесу из как бы русской жизни «За что?», которую ради успеха постановки объявил переводом из Горького. Этот замечательный скандал был отражен самим же Жаботинским в «Одесских новостях».

Неудобство всей ситуации было тем глубже, что в 1903–1904 гг. Горький принимал участие в распространении запрещенной поэмы Жаботинского «Бедная Шарлотта»¹².

В дальнейшем Горький далеко не всегда приветствовал националистические, как он считал, выступления Жаботинского, да и, как гово-

¹⁰ По-видимому, скандал с антисемитской пьесой Литвина-Эфрона «Контрабандисты» 1901 г. на Жаботинского тогда не произвел слишком сильного впечатления.

¹¹ *Кацис Л.* Книга С. Фруга «Стихотворения» (1885) и динамика подтекста в русско-еврейской поэзии // Еврейский книгоноша. 2005. № 7. С. 31–39.

¹² *Горький Максим.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 8. Письма 1903–1904. М., 1998 (по указателю).